

— Кто этот «молодой господин Цай» и почему он так к нам прицепился? — негодовал Цинь Яолян по дороге назад. — Мы только приехали, мы их знать не знаем!

Фэн Лисун уже пришел в себя и снова обмахивался веером:

— Этот Цай — старший сын уездного судьи Линьфэна. Местные ученики всегда недолюбливали выходцев из Фэнчэна. Они считают, что мы, приезжая сюда на экзамен, отбираем у них места в списке победителей.

Цинь Яолян фыркнул:

— Так это они еще и жалуются, получив выгоду? Мы ведь привозим сюда свои квоты, какое они имеют право нас презирать?

Один из сокурсников добавил:

— Скорее всего, они хотят получить наши квоты, но не хотят видеть нас самих на экзамене. Тогда конкуренция в Линьфэне станет меньше, и больше их людей попадет в список!

Лицо Фэн Лисуна помрачнело. В последние годы кандидаты из Фэнчэна были откровенно слабыми и сильно уступали местным. Уже несколько сессий подряд ни один из них не попадал в список награжденных. Фактически это было равносильно тому, что они просто дарили свои места линьфэнцам.

Е Цзюньшу слушал их, не зная всех этих тонкостей. Оказывается, здесь всё было так непросто. Но поделаться с этим ничего нельзя. Фэнчэн по количеству учеников и качеству наставников и близко не стоял к Линьфэну. Небо и земля, облако и грязь. Учитель Цинь — один человек, он не мог выучить десятки гениев, да и способных учеников у него было не так много. Приходилось выбирать «лучших среди коротышек» и вкладываться в тех, у кого были хоть какие-то задатки.

Династия Дася наследовала систему экзаменов прошлых веков, постоянно её совершенствуя. Сейчас порядок был таков: прежде чем сдавать на сюэя, нужно получить статус туншэна. Экзамен на туншэна проводился дважды в три года, число проходящих не ограничивалось — проходил каждый, кто показал достойный результат. Получив статус туншэна, ученик получал право участвовать в юанькао (экзамене в академии), который проводился раз в три года. Прошедшие его становились сюэями. Квоты на зачисление везде были разными: уезд — 50 человек, область — от 80 до 100.

Е Цзюньшу и его товарищи уже были туншэнами, так что они могли участвовать в каждой сессии юанькао, пока не станут сюэями — лишь тогда путь к настоящей карьере считался открытым.

Линьфэн, будучи богатым уездом, имел множество частных школ и академий. Даже в деревнях там были официальные школы, поэтому и грамотных людей было пруд пруди. Со временем их число сравнялось с областными центрами, поэтому двор в виде исключения выделил Линьфэну квоту, равную областной — 80 мест.

Фэнчэн же был настолько беден, что его территория не составляла и половины среднего уезда. Население было нищим и не могло прокормить много учеников. У Фэнчэна была своя квота, но если бы экзамен проводили там, его бы сдавал каждый встречный просто ради заполнения мест. В этот раз, например, от них приехало всего 22 человека — меньше, чем доступных мест в списке. Поэтому по просьбе бывших судей Линьфэна два уезда объединили, а общую квоту

Линьфэна увеличили до 100 человек.

Такая схема работала уже много лет. По сути, если бы не «мертвые души» из Фэнчэна, Линьфэн не получал бы столько дополнительных вакансий.

Один из сокурсников в гневе воскликнул:

— Какая наглость! Мы должны проучить их! Мы не дадим себя в обиду!

Фэн Лисун принял сосредоточенный вид:

— Завтра нам стоит снова пойти в «Изящный павильон» и вызвать этого Юй Маолиня на состязание. Пусть Линьфэн увидит нашу силу!

Затем он серьезно посмотрел на Е Цзюньшу:

— Младший брат Е, ты ведь тоже сдал на туншэна в десять лет, и учитель тебя без конца хвалит. Честь нашего Фэнчэна теперь в твоих руках!

Е Цзюньшу на мгновение замер, а затем искренне ответил:

— Мы на чужой территории, нам не стоит вести себя слишком вызывающе. Если случится конфликт, пострадаем в итоге мы. К тому же, я трезво оцениваю свои силы: мне до брата Маолиня далеко. Шицунь Фэн, вы слишком скромничаете. Вы — лучший среди нас. Великая миссия прославить Фэнчэн лежит на ваших плечах! Я уверен, на экзамене вы затмите всех!

Лицо Фэн Лисуна окаменело, он едва сдержал гримасу раздражения. Чжоу Янфэй же презрительно бросил:

— Так и скажи, что трусил, слабак!

Цинь Яолянх нахмурился и без церемоний отрезал:

— Цзычжоу всё правильно сказал. Мы приехали сюда участвовать в юанькао, а не искать повода для состязаний ради дешевой славы. Наш главный приоритет — экзамен, не нужно путать основное с второстепенным. Если действительно хотите вернуть доброе имя нашему Фэнчэну, давайте все постараемся показать достойные результаты и попасть в списки. Вот это будет настоящая гордость.

Стоило Цинь Яолянху заговорить, как остальные притихли, хотя о чем они думали в этот момент, знали только они сами. За этим разговором группа вернулась в свое пристанище. Уходили они воодушевленные, а вернулись в дурном расположении духа. Интерес к беседам пропал, и все разошлись по своим комнатам.

Оказавшись за закрытой дверью, Цинь Яолянх сказал Е Цзюньшу:

— Цзычжоу, не бери в голову их слова. Совсем совесть потеряли, ишь чего выдумали — сейчас ли время щеголять? Нужно силы копить, разве это не очевидно?

Е Цзюньшу покачал головой и улыбнулся:

— Шицун, не кипятись. Я не принял это близко к сердцу.

Он ведь не был безусым юнцом — с чего бы ему вестись на чужие подначки и добровольно

лезть на рожон, навлекая на себя ненависть? Он не настолько простодушен. Его единственное желание — спокойно сдать экзамен, а всё остальное подождет.

Видя, что Цзычжоу действительно спокоен, Цинь Яолян успокоился и сам. Должно быть, тот инцидент отбил у них всякую охоту к прогулкам: Фэн Лисун и остальные больше не выходили, целыми днями просиживая в комнатах — видимо, ударились в учебу. Е Цзюньшу тоже не покидал усадьбу. Хотя толку от зубрежки в последний момент немного, он всё же старался сосредоточиться на книгах, закрепляя знания. Зато Цинь Яолян пропадал невесть где по несколько раз на дню. Поскольку сам учитель Пань не возражал, Е Цзюньшу тоже не вмешивался — хоть шицун и выглядел легкомысленным, он всегда знал, что делает.

Однажды, когда Е Цзюньшу читал, в комнату влетел сияющий Яолян.

— Цзычжоу! Цзычжоу! Я разузнал! В этот раз экзаменационным инспектором (сюэчжэном) назначен господин Чжан Цзитао!

Е Цзюньшу озадаченно посмотрел на него. Он почти не знал столичных чиновников и никогда не слышал этого имени. Яолян продолжил:

— Этот господин Чжан — обладатель степени цзиньши (третья степень в древнекитайской экзаменационной системе, позволявшая получить высокий чиновничий пост), человек неподкупный и справедливый. Он из «прагматиков»: предпочитает простые и содержательные работы и терпеть не может вычурный, цветистый стиль. Цзычжоу, для нас это просто подарок судьбы!

Е Цзюньшу невольно улыбнулся:

— Это действительно отличная новость!

Он не умел писать излишне пышные тексты, поэтому экзаменатор-прагматик был для него идеальным вариантом. Похоже, удача была на его стороне. К тому же, если инспектор славится справедливостью, при проверке работ не должно быть предвзятости, что тоже не могло не радовать.

— Всего в юанькао участвует около трех тысяч человек. Давление приличное, но ради своего черновика я обязан войти в первую сотню! — решительно заявил Цинь Яолян.

Е Цзюньшу усмехнулся. Уж не представлял он, где шицун добывает все эти сведения, но пропорция «один из тридцати» была не так уж плоха. По сравнению с шансом один на сто, у них были отличные возможности.

Яолян выложил еще кучу информации, собранной за эти дни, и благодарность Е Цзюньшу к другу стала еще глубже. Семья учителя относилась к нему по-настоящему искренне, без утайки. Он был бесконечно счастлив, что у него есть такая поддержка.

За день до начала учитель собрал всех учеников и провел напутственную беседу. Е Цзюньшу был настроен благодушно: проспав всю ночь без сновидений, он встретил первый день экзамена. Первым делом он тщательно проверил свои кисти, тушь, бумагу и тушечницу, а затем помог осмотреть набор Пань Яоляня. Этот комплект был куда дороже тех, что он использовал раньше — шиму специально подобрал их, по набору для каждого. Разница в качестве чувствовалась сразу, кисть в руке лежала как влитая.

После завтрака все начали собираться. Е Цзюньшу заметил, что некоторые сокурсники сильно

нервничают: они явно плохо спали, выглядели вялыми и измотанными. Учитель, видимо, опасаясь, что лишние слова только усилят тревогу, лишь кратко наказал сохранять спокойствие, после чего повел учеников, пребывавших в разном расположении духа, к экзаменационным рядам (каошэн).

В Линьфэне находились экзаменационные павильоны, способные вместить несколько тысяч человек. Когда они прибыли, небо только начало светлеть, но здесь уже яблоку негде было упасть: кандидаты, провожающие — повсюду люди. Территория павильонов была оцеплена, повсюду дежурили стражники с мечами и копьями. Группа Е Цзюньшу встала в очередь на досмотр.

Цзычжоу заметил, что возраст кандидатов разнится от тринадцатилетних подростков до седовласых старцев лет пятидесяти. Он не удивился бы, если бы узнал, что здесь сдают экзамен сразу три поколения одной семьи. Это лишний раз доказывало, насколько почитаем был путь образования в древности.

«Всё прочее — низкого сорта, лишь учение стоит превыше всего». Для людей незнатного происхождения или бедняков экзамен была единственным способом изменить свой статус.

И сейчас Е Цзюньшу был таким же, как и все остальные, — одним из тысяч, пытающихся пробиться наверх. Пожалуй, ему стоило радоваться, что он опомнился рано и не растратил лучшие годы впустую. Прийти на экзамен молодым — куда большее преимущество, чем сдавать его в преклонном возрасте.

Чтобы исключить подмену участников, досмотр на входе был крайне строгим. Нужно было не только сверить личные данные в реестре, но и иметь поручительство от линьшэна (студента на гособеспечении) или цзюйжэня (вторая учёная степень в имперской экзаменационной системе Китая (кэцзюй), получаемая после успешной сдачи провинциальных экзаменов).

Учитель Цинь и двое наставников выступали гарантами для учеников из Фэнчэна. Если бы кто-то из кандидатов попался на обмане, учитель поплатился бы своим званием, а люди с заслугами обычно слишком дорожат репутацией, чтобы покрывать мошенников. После подтверждения личности следовал полный обыск тела во избежание шпаргалок.

Очередь двигалась довольно быстро. Яолян не выглядел взволнованным, но, видя невозмутимость Е Цзюньшу, испугался, что тот лишь делает вид, а на самом деле дрожит от страха. Он принялся без умолку утешать друга:

— Цзычжоу, не волнуйся, юаньши — это просто. Всего два тура, и вопросы только по «Четверокнижию», «Пятикнижию», эссе, стихам и счету. Это всё то, в чем ты силен. У тебя всё получится, только не нервничай!

Е Цзюньшу кивнул: — Шицзюнь, я спокоен. Давай постараемся вместе!

В душе он улыбался и был тронут. Ему даже пришла мысль: а не сам ли шицзюнь нервничает? Ведь каждый, кто стоит здесь, в этом силен.

В этот момент впереди раздался истошный крик: — Я не пытался обмануть! Это не моё!

В очереди началось волнение. Е Цзюньшу поднял голову и увидел, как двое стражников в красных доспехах крепко держат кандидата за руки.

Офицер с бесстрастным лицом коротко бросил:

— Увести!

Лицо несчастного кандидата мгновенно посерело, жизнь будто покинула его, когда его волоком потащили прочь.

Кандидаты загудели, провожая того, кого уводили, презрительными взглядами. Правда это была или нет, но в глазах книжников списывание на экзамене — самый постыдный поступок.

Тот самый офицер с каменным лицом рявкнул:

— Тишина!

Шум мгновенно стих, порядок восстановился в ту же секунду.

У Е Цзюньшу екнуло сердце: «Только началось, а уже такие страсти?» Он не знал, действительно ли тот бедолага хотел сжульничать или его подставили, но этот случай заставил его стать еще осторожнее.

Инцидент быстро замяли, и вскоре подошла очередь Е Цзюньшу. Его ящичек для книг тщательно перерыли; не найдя ничего подозрительного, велели раздеться до нижнего белья для досмотра тела. Только после этого позволили войти.

Внутри экзамен начался не сразу. Всех учеников собрали на огромном пустыре, чтобы они выслушали наставления господина инспектора о правилах поведения, и лишь затем под конвоем стражников развели по крошечным каморкам.

<http://bllate.org/book/15226/1373390>